

Похороны П. И. Чайковского.

(По телеграфу от нашего корреспондента).

ПЕТЕРБУРГЪ, 28-го октября.

Сколько цвѣтовъ! Сколько вѣнковъ! Сколько лавровъ! Я не видалъ такой массы нигдѣ, не исключая даже похоронъ Тургенева. Похороны Тургенева были грандіозны, но вѣнковъ едва-ли было больше. Правда, тамъ былъ моментъ казенный: вѣнки несли впереди процессіи, они развѣвались своими лентами и шелестили, словно темный боръ, влажными и упругими вѣтвями. Здѣсь же просто вѣнки, одною кучею, нагроможденные какъ могильный курганъ. Вчера и третьего дня цвѣточные магазины принимали заказы не иначе, какъ по протекціи. Торговали больше третестепенные магазины, не дорожащие качествомъ работы и согласные за хорошія деньги продать скверный лавръ и хорошую репутацию. Въ типографіи на Садовой, специально печатающей надписи на ленткахъ, ядало по 50 и болѣе заказчиковъ одновременно! И какой это былъ лавръ къ концу вчерашняго дня! Поблекшіе по краямъ и свернувшіеся листья, остатки цвѣтущей земной красоты. И мнѣ казалось, что никогда самый свѣжій лавръ не говорилъ такъ трогательно и не стучался въ сердце съ такою унылою тоскою, какъ именно этотъ полужавявшій, захачшій лавръ-поскребышъ, собранный въ самыхъ бѣдныхъ и заброшенныхъ уголкахъ челоувѣческой души...

Изъ вѣнковъ, вѣрше, изъ попавшихся мнѣ на глаза вѣнковъ, мое вниманіе остановилъ вѣнокъ, присланный бывшимъ французскимъ артистомъ Гитри и имѣвшій видъ лиры съ оборванными струнами. Оборвались струны, замолкли вѣщія уста.

Сколько народу было, — я не умѣю вамъ сказать. Билеты, выданные нашей редакціи, были за номерами на третью тысячу. А ихъ выдали утромъ. При насъ прѣхалъ городской голова и взялъ 150 билетовъ для представительства городскихъ учреждений. На редакціи петербургскихъ газетъ выдавалось по 5 билетовъ. Для каждой группы представителей полагалась особая депутація изъ артистовъ и служащихъ въ Императорскихъ театрахъ. Наша группа, — группа представителей періодической печати, значилась подъ 5-мъ номеромъ, и нашими руководителями, организаторами и инструкторами были гг. Стуколкинъ и Кротковъ.

Я только-что съ кладбища. Часы показываютъ пять. Сумерки ступились надъ Петербургомъ и такія-же сумерки на сердцахъ. На кладбищѣ тѣснота была невообразимая. Билеты, которые будто-бы надо было предъявлять, въ дѣйствительности не предъявлялись, кладбище же сравнительно маленькое, да потомъ на кладбищѣ нельзя разуться: вездѣ могилы, насыпи, ограды. Въ сумракѣ петербургскаго дня оно было такъ печально, — это кладбище, покрытое легкимъ снѣжкомъ и поросшее оголенными деревьями! Люди чернѣли всюду — на памятникахъ, крестахъ, надгробныхъ плитахъ. Нѣсколько студентовъ забрались на крыши каменной ограды, да такъ и сидѣли въ снѣгу. Я мало видѣлъ, плохо слышалъ, но главное — видѣлъ и слышалъ великую скорбь. Къ выносу я не поспѣлъ. Рассказывали, что гробъ вынесли на рукахъ директоръ Императорскихъ театровъ И. А. Всеволодской вмѣстѣ съ артистами оперы и братьями покойнаго. У Маринскаго театра процессія остановилась, и на гробъ возложено было до 20 вѣнковъ, въ томъ числѣ много присланныхъ изъ Москвы. Главный входъ театра былъ изящно декорированъ крепомъ. Вверху прикрѣплена была лира, съ боковъ развѣвались хоругви съ лавровыми вѣнками. Напротивъ — перестраивающійся въ консерваторію Большой театръ со своими безконечными лѣсами, сплошь усеянными людьми, въ родѣ матросовъ, высланныхъ по реямъ. Тамъ-же чернѣли, словно пушечныя жерла, отверстія множества камеръ-обскуръ. Право, они мнѣ напомнили глаза вѣчности — жадные и въ то-же время равнодушные.

Въ Казанскомъ соборѣ было до шести тысячъ народа. Пѣли между прочимъ «Вѣру» и «Херувимскую» — композиции Чайковскаго. Когда замерли тихіе звуки, въ большія окна собора вверху вдругъ выглянуло на мгновеніе чудосочное петербургское солнце, — выглянуло и тоже умерло.

Площадь собора усеяна публикой. Жандармы, осѣдланныя лошади, опять открытые загадочные глаза камеръ-обскуръ, шесть черныхъ лошадей цугомъ въ затѣйливыхъ сѣткахъ. На Невскомъ процессія растянулась на версту. Въ овнахъ гирляндъ головъ, и среди нихъ много дѣтскихъ. Особенно живописенъ Гостиный дворъ; всѣ балконы усеяны публикой; вдоль процессіи стояла толпа густыми шпалерами, мѣстами заплывшими всю улицу. На Аничковомъ мосту я оглянулся назадъ; картина была поразительная: весь Невскій проспектъ, насколько можно было окинуть глазами, двигался; вдали колебался золотой балдахинъ надъ катафалкомъ, дальше — опять толпа. Все время пѣлъ хоръ оперы и импровизированный хоръ изъ студентовъ; за гробомъ игралъ военный оркестръ — вещь неслыханная на похоронахъ статскаго. Да, если сдѣлать исключеніе, — кого какъ не Чайковскаго сопровождать въ могилу печальными звуками оркестра. Особенная масса силотилась на площади Николаевского вокзала; дальше шпалеры порѣдѣли. Въ процессіи шли болѣе 80 депутацій, толпы студентовъ, правовѣдовъ, учениковъ и ученицъ консерваторіи. Цифру шедшихъ до кладбища нѣкоторые опредѣляютъ далеко за пять тысячъ.

У Александровской лавры процессію встрѣтило духовенство въ траурномъ облаченіи, во главѣ съ преосвященнымъ Николаемъ, епископомъ, гдовскимъ. Впереди прошли вѣнки; говорятъ, ихъ было болѣе 250. Между прочимъ, замѣтили чудный серебряный вѣнокъ отъ думы, превосходный вѣнокъ изъ незабудокъ отъ артистовъ опернаго театра, отъ пражской оперы — вѣнокъ съ красно-бѣлыми лентами. Вотъ и гробъ. Мелькнуло взволнованное, осунувшееся лицо Модеста Ильича. Сегодня его «Предразсудки» идутъ на Александринскомъ театрѣ. Ему предлагали отложить спектакль, но онъ отказался. Потомъ до меня глухо до-

послался рѣчи. Директоръ московской консерваторіи Сафоновъ говорилъ очень тихо, другой москвичъ — Шараповъ — черезчуръ громко. Лучше другихъ говорилъ присяжи повѣр. Герардъ, тоже бывший правовѣдъ. Молодой поэтъ Сафоновъ прочиталъ звучные стихи.

А толпа все напирала и напирала, и вдругъ, въ минуту самаго напряженнаго, тяжелаго молчанія, послышалось веселое, рѣзвое голоса. Я оглянулся и увидѣлъ недалеко на крышѣ пѣлаую кучу ребят — шекъ, весело копавшихся въ снѣгу и звучными криками выражавшихъ полную жизнерадостныхъ ощущеній. Такова безконечная и неизмѣнная возобновимость жизни.

Квидамъ.

Л. Б. Бертенсонъ о болѣзни П. И. Чайковскаго.

Разнорѣчіе свѣдѣній, появившихся въ печати о болѣзни покойнаго П. И. Чайковскаго, побудили одного изъ сотрудниковъ «Нов. Вр.» обратиться къ доктору Л. Б. Бертенсону, который руководилъ лѣченіемъ покойнаго композитора.

Г. Бертенсонъ сообщилъ слѣдующее:

— Я былъ позванъ къ Петру Ильичу въ четвергъ, 21-го октября, вечеромъ, съ моимъ братомъ докторомъ В. Б. Бертенсономъ, который былъ близкимъ членомъ въ семьѣ Чайковскаго и постоянно лѣчилъ всѣхъ членовъ этой семьи. Прѣхавъ въ квартиру М. И. Чайковскаго, гдѣ находился П. И., около 10 час. вечера, я засталъ покойнаго въ состояніи такъ-называемаго альбиднаго періода холеры. Картина болѣзни была безусловно характерной, и холеру сразу-же пришлось признать очень тяжелой. Мы начали примѣнять всѣ указываемыя при такомъ состояніи научныя средства. Къ двумъ часамъ ночи удалось добиться того, что судороги, которыя ко времени моего прѣзда были настолько сильны, что большой «кричалъ крикомъ», почти прекратились. Приступы-же поноса и рвоты стали значительно рѣже и слабѣе. Я уѣхалъ ночью, оставивъ при больномъ моего брата. Подъ утро на пятницу, во время моего отсутствія, въ состояніи П. И. послѣдовало новое ухудшеніе: судороги вновь возобновились, и явился настолько сильный упадокъ дѣятельности сердца, что мой братъ вынужденъ былъ сдѣлать П. И. подкожное впрыскиваніе мускуса и камфары. Рано утромъ въ пятницу брата моего смѣнилъ мой ассистентъ — д-ръ Мамонновъ, а въ 11 ч. утра прѣхалъ и я. Состояніе больного было таково, что у меня явилось убѣжденіе въ минованіи припадковъ, которые грозили ночью больному смертью.

— Какъ вы себя чувствуете? — спросилъ я Петра Ильича.

— Незимѣрно лучше, — отвѣчалъ онъ. — Благодарю васъ: вы вырвали меня изъ когтей смерти...

Судорожный періодъ холеры можно было считать оконченнымъ. Къ сожалѣнію, второй періодъ — реакціонный — не наступилъ. Надобно сказать, что въ такихъ тяжелыхъ формахъ холеры, кака была у Петра Ильича, почки обыкновенно перестаютъ функционировать. Происходитъ это вслѣдствіе быстрого ихъ перерожденія. Со времени начала болѣзни у покойнаго явилось полное прекращеніе отпавленій почекъ. Явленіе это весьма опасно, ибо влечетъ за собою отравленіе крови составными частями мочи. Однако, въ пятницу рѣзко выраженныхъ признаковъ этого отравленія еще не было. Всѣ средства примѣнялись для того, чтобы вызвать дѣятельность почекъ, но всѣ они оказались безуспѣшными. Тѣмъ не менѣе, одного изъ этихъ средствъ — ванны — я до субботы не примѣнялъ, и вотъ почему. Мать покойнаго Петра Ильича скончалась отъ холеры, и скончалась именно въ то время, когда ее посадили въ ванну. Это обстоятельство было извѣстно Петру Ильичу, и какъ въ немъ, такъ и во всѣхъ родственникахъ его поселило суевѣрный страхъ къ ваннѣ. Въ субботу признаки отравленія мочей сдѣлались очевидными, при чемъ у больного явилось новое и весьма значительное усиленіе поноса, указывавшее уже на паралитическое состояніе кишекъ. Этотъ поносъ очень подавляюще повліялъ на покойнаго, и онъ обратился ко мнѣ со словами:

— Бросьте меня, не мучайтесь: все равно, мнѣ не поправится...

Я обратился къ П. И. съ предложеніемъ сдѣлать ему ванну. Онъ охотно согласился. Когда его посадили, я спросилъ:

— Не неприятна-ли вамъ ванна?

— Напротивъ, пріятна, — отвѣчалъ онъ, но чрезъ нѣкоторое время, жалуюсь на слабость, сталъ просить, чтобъ его вынули.

Непосредственное дѣйствіе ванны было благоприятное: явился теплый потъ, а вмѣстѣ съ нимъ и надежда на ослабленіе явленій мочевого отравленія и на возобновленіе дѣятельности почекъ. Но къ вечеру эта надежда была потеряна. Появилась спячка и внезапный упадокъ сердечной дѣятельности, настолько сильный, что оставшіи при П. И. мой ассистентъ докторъ Зандеръ, впрыснувъ больному мускусъ, послалъ за мною. Я засталъ П. И. въ коматозномъ состояніи и съ крайнимъ упадкомъ работы сердца, изъ котораго его удавалось выводить лишь на самое короткое время. Такъ, напр., когда ему предлагали питье, онъ вполнѣ сознательно принималъ его, при чемъ говорилъ: «довольно», «еще» и т. д. Въ 10 1/2 час. веч. всѣ надежды на возможность благоприятнаго поворота теченія болѣзни совершенно исчезли. Спячка становилась все глубже, пульсъ оставался неощутливымъ, кесмѣтра на повторенныя частыя впрыскиванія подъ кожу возбуждающихъ средствъ. Въ 2 часа ночи началась агонія, а въ 3 часа ночи Петра Ильича не стало.